

Вернувшись в Южный двор, Тун Даоцзюнь с полным удовлетворением выпил две пиалы тушеного супа и сказал матушке Хэ:

— Матушка, вам снова придется утрудить себя и приготовить для меня лепешек и пампушек на манер маньтоу.

Матушка Хэ не поняла и спросила:

— Молодой господин, вы целых три дня ели это в Экзаменационном дворе, неужели вам еще не надоело? Раз уж экзамены закончились, нужно поесть чего-нибудь хорошего.

Из-за козней госпожи Шуй скверные слуги в поместье маркиза всегда выказывали недовольство перед законным сыном маркиза Цзянь Хуншу, зато вились вокруг бесславного бастарда и льстили ему — до чего же отвратительно.

Хотя маркиз и не жаловал законного сына, ежемесячное содержание выделял щедрое. Сейчас в Южном дворе делами ведал дядюшка Чэнь, а стряпала она сама, так что в плане еды и одежды молодой господин никогда не нуждался в нужде. Вот почему матушка Хэ удивилась, услышав, что Тун Даоцзюнь снова просит приготовить лепешки и пампушки.

— Ах, я же еще не закончил сдавать, впереди военные экзамены.

Военный экзамен был не так сложен, как гражданский. Первым этапом предстояло сдавать военно-стратегическое сочинение, и местом проведения снова служил Экзаменационный двор. На этот раз у главных ворот Экзаменационного двора толпились не утонченные ученые и сюцаи, а в основном рослые, крепкие и сильные воины.

Среди стольких высоких и мощных силачей точеная фигура и ослепительная красота Тун Даоцзюня выглядели крайне необычно. Однако из-за того, что его сопровождали дородная матушка Хэ с суровым лицом и Чжань Шань с холодным выражением лица и пронзительным взглядом, никто не смел приблизиться к ним ни на шаг, лишь сбивались в кучки по двое-трое и о чем-то тихо шептались.

Поскольку никто не подходил близко, вокруг Тун Даоцзюня образовалось свободное пространство, из-за чего он особенно сильно бросался в глаза. Когда подошел Цзянь Цзяньжэнь, он первым делом заметил именно Тун Даоцзюня.

— Почему ты здесь?

Незадолго до этого Цзянь Цзяньжэнь сошелся с несколькими молодыми господами из знатных семей Императорской столицы и договорился вместе прийти на военный экзамен, но он никак не ожидал увидеть здесь этого никчемного человека. Выражение его лица, еще мгновение назад украшенное приятной легкой улыбкой, вмиг помрачнело.

Молодые господа из столичной знати, шедшие вместе с Цзянь Цзяньжэнем, тоже посмотрели на Тун Даоцзюня с презрением — очевидно, Цзянь Цзяньжэнь немало наговорил о нем гадостей в их присутствии.

Тун Даоцзюнь даже не взглянул на собеседника. Он неторопливо достал из кармана одежды пухлый вышитый мешочек с узором из белых пионов, вытащил оттуда молочную конфету и отправил ее в рот, позволяя сладкому сливочному вкусу растечься по языку. Эту вещь Шао Лиюй передал ему через Ин-эр совсем недавно. Он очень любил сладкое — эта привычка у него появилась еще от учителя из прошлых миров, и с тех пор, если позволяли обстоятельства,

при нем всегда был мешочек с леденцами. Попад в этот мир, Шао Лиюй узнал об этой его слабости и с тех пор регулярно присылал ему пакетик сахарных шариков, причем каждый из них обладал своим неповторимым вкусом.

Здесь, в Императорской столице, Цзянь Цзяньжэнь числился дальним родственником, который вместе с матерью приехал на попечение к маркизу Цзинаню. Из-за никчемности законного сына маркиза тот собирался усыновить Цзянь Цзяньжэня, чтобы в будущем передать ему Поместье маркиза Цзинаню. Однако такой шаг неизбежно повлек бы за собой понижение титула, к тому же, согласно законам Великой Юй, в дальнейшем сын Цзянь Цзяньжэня не смог бы унаследовать этот пост — преемником должен был стать отпрыск законного сына Цзянь Хуншу, в противном случае титул и вовсе аннулировали бы.

Тем не менее, если следовать изначальному сценарию этого мира, даже получив Поместье маркиза Цзинаню на правах приемного сына и благодаря тесным связям с Шао Цзисюном, Цзянь Цзяньжэнь прочно и неизбежно уселся бы на месте маркиза.

Будучи проигнорированным Цзянь Хуншу и остальными прямо на глазах у всех, Цзянь Цзяньжэнь почувствовал себя униженным до крайности, и ярость на его лице вспыхнула с новой силой.

— Цзянь Хуншу, я с тобой разговариваю! Оглох, что ли?!

Услышав, как его называли, Тун Даоцзюнь лишь неторопливо перевел на него взгляд и произнес:

— Ой, так ты со мной разговаривал?

От этих слов Цзянь Цзяньжэня едва не хватил удар. Но не успел он ответить, как из Экзаменационного двора вышел чиновник и громко прокричал:

— Первый этап военных экзаменов объявляется начатым!

— Я пошел на экзамен, матушка Хэ, вы вместе с Сяо Чжанем возвращайтесь домой, не нужно здесь ждать. — Тун Даоцзюнь забрал у Чжань Шаня экзаменационную корзину, в другую руку взял расшитый мешочек, полный сахарных шариков, и легкой, словно призрак, походкой направился внутрь Экзаменационного двора, совершенно не давая никому опомниться.

Первым этапом военных экзаменов была проверка на знание военной стратегии и тактики. Для Тун Даоцзюня, как и в случае с гражданскими экзаменами, это не составляло ровно никакого труда. А главным экзаменатором на этом испытании выступал Первый принц Шао Лиюй.

Поэтому Тун Даоцзюнь, потратив на ответы всего полдня, зажил по своей привычной схеме: флиртовать с принцем, есть конфеты и спать.

Два дня спустя экзамены по военной стратегии подошли к концу. Тун Даоцзюнь вместе с упр.

Чэнь, матушкой Хэ и Чжань Шанем неторопливой походкой вернулся в Поместье маркиза Цзинань. Едва переступив порог, они наткнулись на преграду: путь преградил не Цзянь Цзяньжэнь, а никчемный отец Цзянь Хуншу — Цзянь Чуцин.

В древности к вопросам сыновней почтительности относились чрезвычайно серьезно: Тун Даоцзюнь мог позволить себе кривиться перед Цзянь Цзяньжэнем и Шуй Чжуся, но перед никчемным отцом Цзянь Чуцином внешние приличия все же приходилось соблюдать.

Хотя выражение лица Тун Даоцзюня оставалось бесстрастным, он все же по всем правилам сложил руки в поклоне перед Цзянь Чуцином:

— Отец. Цзянь Чуцин посмотрел на Тун Даоцзюня, гневно выкатив глаза, и рявкнул:

— Ты, негодный сын, неужели ты будешь счастлив, только когда полностью опозоришь Поместье маркиза Цзинань? Ты точь-в-точь как твоя мать с ее низким происхождением!

Слушая слова Цзянь Чуцина, Тун Даоцзюнь не выказал на лице ни малейшей перемены — его легкое выражение лица осталось прежним. Он поднял руку, жестом приказывая троим следовавшим за ним людям отступить, а его узкие глаза слегка прищурились, источая ледяной холод.

Хотя он и не был прежним хозяином тела, раз уж он занял место Цзянь Хуншу, он обязан защищать все, что принадлежало тому, включая мать прежнего хозяина.

Тун Даоцзюнь, впитавший все воспоминания прежнего владельца, отчетливо знал, что Жун была кроткой, нежной, исполненной достоинства и ослепительно прекрасной женщиной. Поскольку она происходила из купеческой семьи, ее деловая хватка была поистине потрясающей. Под ее управлением весь особняк находился в идеальном порядке. Возможно, Жун была слишком выдающейся, но как бы хороша она ни была, в глазах Цзянь Чуцина она оставалась лишь дочерью купца, которая ничем не могла помочь его карьере, а женитьба на ней заставляла его чувствовать себя неловко перед другими аристократами.

Вдобавок ко всему, плела интриги Шуй Чжуся, из-за чего Цзянь Чуцин презирал Жун еще сильнее. Даже рождение самого Цзянь Хуншу оказалось чистой случайностью.

Поскольку тогда им пришлось один за другим соблюдать траур, Цзянь Чуцин крайне редко прикасался к Жун, так что забеременеть ей все никак не удавалось. К тому времени Шуй Чжуся уже родила Цзянь Чуцину Цзянь Цзяньжэня, и Цзянь Чуцин изначально планировал воспользоваться правилом семи оснований для изгнания жены — отсутствием детей, — чтобы прогнать Жун и ввести Шуй Чжуся в дом. Однако, напившись, он разделил ложе с Жун, и так появился Цзянь Хуншу.

Можно сказать, что появление на свет Цзянь Хуншу спутало все планы Цзянь Чуцина и Шуй Чжуся. Именно поэтому Цзянь Чуцин люто ненавидел собственного законного сына. Но раз уж дошло до такого, нельзя же было просто придушить Цзянь Хуншу! Из-за этого Цзянь Чуцин стал еще холоднее относиться к законной жене и сыну, а за глаза даже высмеивал ее как

ничтожную купчиху.

Однако Цзянь Чуцин никогда не задумывался о том, что после входа в Поместье маркиза Цзинань Жун принесла не только щедрое приданое, но и весь род Жун. И даже сейчас, не обладая он никакими военными заслугами или подвигами, Поместье маркиза Цзинань продолжало стоять непоколебимо исключительно благодаря огромному финансовому состоянию, которым владела Жун.

Поэтому Тун Даоцзюнь испытывал искреннее отвращение к этому человеку. Если бы на его месте оказался прежний хозяин тела, он, будучи так оскорблен собственным отцом, наверняка забился бы в угол и тайком оплакивал свою обиду. Но он — не прежний владелец.

— Позвольте спросить вас, отец, каким же это образом сын опозорил Поместье маркиза Цзинань? — произнес Тун Даоцзюнь, делая шаг вперед к Цзянь Чуцину. Его узкие глаза сверкали пронзительным блеском.

Цзянь Чуцин никак не ожидал, что этот всегда трусливый и никчемный сын посмеет возразить ему, да еще и пойти в такое наступление, отчего он невольно отступил на шаг назад.

— Ты, негодный сын, еще и права качаешь! Родившись в семье военачальника, ты бросил военное дело ради гражданской службы — и ладно! Но теперь, когда я привел в особняк Цзяньжэня, ты заявился на военные экзамены лишь для того, чтобы насолить ему! С какой стати ты пошел сдавать военные экзамены? Неужели начитавшись своих Четырехкнижия и Пятикнижия?!

С тех пор как в прошлый раз Тун Даоцзюнь жестоко высмеял его фразой у матушки есть только я один, сын, Цзянь Чуцин больше не упоминал о том, что Цзянь Цзяньжэнь — его старший брат.

— Ха, просто умора! Законы Великой Юй не запрещают тем, кто читает Четырехкнижие и Пятикнижия, сдавать военные экзамены. Даже если я не сдам их, это не станет причиной для того, чтобы особняк покрыл себя позором. А вот если Его Величество узнает, что отец сошелся с госпожой Шуй без соблюдения свадебных обрядов и во время траура зачал бастарда, который потом пошел сдавать военные экзамены... тогда уж сын посмотрит, чьи действия сильнее лишат особняк чести!

— Негодный мальчишка, как ты смеешь! — взревел от гнева Цзянь Чуцин. Он совершенно не ожидал, что Цзянь Хуншу осмелится шантажировать его этим обстоятельством, именно поэтому он и решил привести Шуй Чжуся и Цзянь Цзяньжэня в дом.

Мужчине позволялось иметь трех жен и четырех наложниц, и даже содержание тайной фаворитки на стороне не считалось страшным грехом. Однако в период соблюдения траура было категорически запрещено жениться или брать наложниц, а детей, зачатых в это время, полагалось избавляться — если же ребенок рождался, это неизбежно становилось предметом всеобщего осуждения.

То, что Цзянь Цзяньжэнь был бастардом, само по себе мало что значило: если бы в будущем Цзянь Чуцин взял Шуй Чжуся в законные жены, тот тоже сошел бы за молодого господина из поместья, пусть и не рожденного от главной жены. Но если бы кто-то узнал, что он был зачат в то время, когда Цзянь Чуцин соблюдал траур, все выглядело бы совершенно иначе. Одного этого было бы достаточно, чтобы император лишил Цзянь Чуцина титула маркиза.

— Отец, вам лучше хорошенько подумать и больше не злить сына понапраску, иначе никому от этого не поздоровится, — бросил напоследок Тун Даоцзюнь. Хм, если бы не необходимость избегать отклонения сюжета от основного пути мира, он бы с удовольствием сам донес на это дело императору, и тогда поднялась бы поистине грандиозная шумиха.

— Ты...

Тун Даоцзюню было противно препираться с таким слабоумным человеком, как Цзянь Чуцин. Издав холодный смешок, он просто обошел его стороной и направился к своему Южному двору.

Кто же знал, что, обогнув главный дом, он нос к носу столкнется с Шуй Чжуся: одетая в легкое белое платье, изящная и гибкая, с желанными булавками и нефритовыми кольцами в волосах, с сияющими влажными глазами, она выглядела донельзя жалденкой и трогательной.

И без того мрачное лицо Тун Даоцзюня помрачнело еще сильнее. Ему было до того противно даже смотреть на нее, что он уже собирался обойти ее стороной, но Шуй Чжуся вдруг заговорила. Нежный, мягкий голос звучал плавно и вкрадчиво — из тех, что сильнее всего разжигают в мужчинах стремление к обладанию.

— Ваша наложница искренне любит господина маркиза, а вы — сын своего отца — как можете разлучать любящие сердца?

Ой, что сегодня творится, неужели они соревнуются, у кого бесстыдства больше? Хозяин системы, эта женщина норовит свалить всю грязь на вашу голову! — не выдержав, наконец высказался V587.

Эту грязь я на себя вешать не собираюсь!

Тун Даоцзюнь остановился и слегка прищурил длинные узкие глаза. Слезинка-мушка у внешнего уголка глаза при этом едва заметном движении придавала его лицу еще больше соблазнительной прелести — пожалуй, он казался даже более ослепительно-красивым, чем Госпожа Шуй.

Из Экзаменационного двора в поместье они вернулись уже около полудня. В животе у него пустовало, хотелось есть, поэтому он заранее велел матушке Хэ и остальным идти в Южный двор и готовить обед — разобравшись с Цзянь Чуцином, можно будет спокойно пойти поесть.

И надо же такому случиться, чтобы эта разлучница оказалась настолько слепа, что приперлась именно сейчас и попыталась облить его помоями! Хм.

— Мимолетная страсть, дикие утки — сколько ни бей, все дичь.

Шуй Чжуся чуть не выплюнула кровь от злости после слов Тун Даоцзюня: этот никчемный сопляк и впрямь оказался таким, как говорил ее сын, — языком стал молоть только так.

Ты...

— Думаешь, раз ты родила от отца Цзянь Цзяньжэня, а моей матушки больше нет, то сможешь стать законной хозяйкой и новой супругой в Поместье маркиза Цзинань? Я, Цзянь Хуншу, заявляю тебе: сколько дикой курице ни взлетать на ветку, благородной феникс ей не стать. — С презрительным выражением на лице бросил эти слова Тун Даоцзюнь, холодно фыркнул и медленно зашагал прочь, даже не взглянув на Шуй Чжуся.

Ццц, хозяин системы, твой язык становится все ядовитее и ядовитее. Ты уверен, что так сильно ее задирать — хорошая идея? — обратился к Тун Даоцзюню V587, наблюдая за тем, как лицо Шуй Чжуся искажается все сильнее.

Судя по событиям в исходном мире, Госпожа Жун, скончавшаяся в расцвете лет едва за тридцать, погибла во многом благодаря Шуй Чжуся. Это она подкупила старого слугу, заведовавшего кухней в Поместье маркиза Цзинань, чтобы тот долгое время подсыпал в еду Госпожи Жун медленно действовавший яд, а последовавшая простуда лишь ускорила действие токсина и свела Госпожу Жун в могилу.

Хм, не подстестни я ее, как же она решится снова пойти на убийство? В глазах Тун Даоцзюня мелькнул острый блеск, и он добавил:

— Чуньхэ тоже пора бы уже проявить себя. Благодаря постоянным питательным и омолаживающим супчикам, что пила в последнее время, Чуньхэ расцвела ещё сильнее. Она внимательно наблюдала за каждым движением, каждым вздохом и улыбкой госпожи Шуй, когда та прислуживала Цзянь Чуцину. От простого подражания она постепенно перешла к полному усвоению мастерства: чарующая притягательность зрелой женщины соединилась с чистой прелестью юной девушки. И даже без тайного вмешательства Тун Даоцзюня она сумела привлечь внимание Цзянь Чуцина.

Чуньхэ была очень умна. Почувствовав, что Цзянь Чуцин обратил на неё внимание, она притворилась, будто ничего не замечает, и теперь, прислуживая ему, то и дело намеренно совершала маленькие ошибки, подгадывая нужный момент.

Сначала она нечаянно пролила чай на одежду Цзянь Чуцина, а затем посмотрела на него полными слёз, растерянными глазами и принялась торопливо вытирать пятно. Мягкая ручка, сжимающая шёлковый платёж, скользила по его широкой груди — подобное испытание не выдержал бы ни один мужчина. Цзянь Чуцин, очевидно, поддался на этот трюк: сохраняя на лице строгое выражение, он блуждал взглядом по изящному, свежему личику Чуньхэ.

В другой раз, поработав в прачечной и промочив одежду, Чуньхэ собиралась вернуться в свои покои, чтобы переодеться, и как раз столкнулась с Цзянь Чуциным, который собирался покинуть поместье маркиза. Охваченная испугом и растерянностью, она опустилась на колени, чтобы поприветствовать его. Насквозь промокшая весенняя одежда намертво прилипла к её нежному и хрупкому телу, отчетливо обрисовывая шёлковый нательный уродец, сквозь который смутно проступали две мягкие округлости, пробуждая самые смелые фантазии. В последний раз Чуньхэ неосторожно наступила на собственный подол и рухнула прямо в объятия Цзянь Чуцина. Она прекрасно знала меру: стоило Цзянь Чуцину попытаться приобнять

её, как она тут же отскочила, торопливо опустилась на колено с извинениями, а при появлении госпожи Шуй ловко ретировалась.

Тун Даоцзюнь, наблюдая за транслируемой V587 картиной, отчётливо видел, как Цзянь Чуцин слегка нахмурил брови, а его взгляд, обращённый к Шуй Чжуся, был исполнен недовольства.

Все эти действия Чунхэ совершала скрытно, никогда не показывая их на глаза остальным обитателям поместья. Более того, зачастую она избегала появляться, когда Шуй Чжуся находилась рядом с Цзянь Чуцином, так что до сих пор никто ничего не заметил.

Вернувшись в Южный двор, Тун Даоцзюнь сразу зашёл в комнату, повалился на кровать и с превеликим удовольствием принялся смотреть трансляцию от V587. Шуй Чжуся с выражением крайнего раздражения на лице вернулась в Западный двор и в гневе перебила целый чайный сервиз, в то время как Цзянь Чуцина, которого Тун Даоцзюнь тоже порядком разозлил, успешно успокоили мягкие, заботливые манеры Чунхэ, подававшей чай и воду, и её ласковые утешения.

Запертая дверь отворилась извне и тут же тихо закрылась. Уловив движение, Тун Даоцзюнь уже собирался перевернуться и встать, как его заключил в объятия вошедший, прижав лицом к широкой, тёплой груди, от которой исходил едва уловимый аромат амбры.

Тун Даоцзюнь на мгновение даже растерялся, совершенно не понимая, с чего это Шао Лиюй вдруг объявился здесь.— Ты почему вдруг пришёл? — он не стал отталкивать обнимающего его мужчину, а сам обвил руками его талию, втягивая носом приятный запах, исходивший от него.

От такой инициативы человека в его объятиях некогда прохладный и глубокий взгляд черных глаз Шао Лиюя смягчился. Он безошибочно накрыл поцелуем мягкие губы Тун Даоцзюня.

После страстного сплетения губ и языков они сами не заметили, как оказались на кровати. Шао Лиюй стоял на одном колене у края ложа, одной рукой опираясь о постель рядом с Тун Даоцзюнем, а другой нежно поглаживая его шелковистые черные волосы.

— Тебя обидели, как же я мог не прийти.

Тун Даоцзюнь, прищутив пару привлекательных фениксовых глаз и с видом полного наслаждения позволяя себя гладить, слегка опешил и озадаченно посмотрел на него.

— А? Когда это меня успели обидеть? — Тот, кто мог бы его обидеть, еще даже не родился.

Шао Лиюй посмотрел на Тун Даоцзюня, чьи фениксовые глаза, по-прежнему полные недоумения, искрились привычным ослепительным блеском, а легкий прищур придавал им природную чувственность. Убедившись в очередной раз, что тот ни капли не расстроен, он слегка приподнял соболиные брови.

Как этот Ин-эр вообще выполняет поручения? Разве он не докладывал, что его сокровище из-за Цзянь Чуцина и госпожи Шуй так рассердилось, что даже отказалось от обеда и прячется в комнате в слезах?!

— Раз уж те слепцы омрачили твое сердце, почему ты сразу не подал жалобу во дворец?

Если бы император узнал о выходках госпожи Шуй и Цзянь Цзяньжэня, Цзянь Чуцин лишился бы титула маркиза Цзинань. Хотя это, возможно, и вызвало бы сплетни среди придворных сановников и знати, Шао Лиюй знал: с талантами его возлюбленного прославить Поместье маркиза Цзинань не составит никакого труда.

Услышав это, Тун Даоцзюнь наконец сообразил, в чем дело. Он обнял его за плечи, слегка надавил и, легко перевернувшись, прижал к кровати. Закинув стройные ноги и устроившись на его крепкой и тонкой талии, он уперся локтями в широкую грудь и подпер щеку рукой.

— Если прикончить его с одного удара, будет не так весело.

Шао Лиюй всё понял, и в его глазах мелькнуло легкое смирение. Он крепко обнял оказавшегося сверху человека, прижал к себе и поцеловал в губы.

— Играй как хочешь, если тебе весело. Обидят — я рядом. Титул маркиза Цзинань принадлежит тебе, и никто не сможет его отнять.

Уголки губ Тун Даоцзюня изогнулись в легкой улыбке. Он слегка покусал мягкие тонкие губы Шао Лиюя и произнес:

— А тот драконий трон, кроме тебя, никому не дозволено занимать.

Половину месяца спустя были оглашены результаты военных экзаменов. Имя Тун Даоцзюня, разумеется, оказалось в списке, и точно так же там было имя Цзянь Цзяньжэня.

Вторым этапом военных экзаменов проверялись стрельба из лука, конная стрельба и боевые искусства, состязания длились три дня.

Цзянь Чуцин полностью проигнорировал тот факт, что Тун Даоцзюнь успешно сдал письменный экзамен по военной стратегии, поэтому к экзаменационному двору его, как и прежде, сопровождали матушка Хэ и Чжань Шань.

Впрочем, в отличие от письменного экзамена, в эти три дня участников кормили досыта, так что еду с собой нести не требовалось. Тем не менее Тун Даоцзюнь не переставал жевать: на этот раз он лакомился османтусовыми пирожными, которые Шао Лиюй велел передать через Ин-эра.

— Молодой господин... — матушка Хэ посмотрела на тщедушную фигурку своего господина, а затем на окружавших их крепких, мускулистых кандидатов и слегка испугалась.

— Я пошел, возвращайтесь, — закинув в рот кусочек пирожного и пережевывая его, Тун Даоцзюнь махнул рукой и вошел в ворота тренировочного поля.

Там Тун Даоцзюнь снова встретил главного экзаменатора — Его Высочество Первого принца, однако на сей раз он уже не мог заигрывать с ним, как в прошлый раз.

Среди толпы грубых, мускулистых кандидатов Тун Даоцзюнь с его выдающейся внешностью и тонкими формами действительно выглядел словно журавль среди стаи цыплят, привлекая всеобщее внимание. Кое-кто даже принялся насмехаться над ним, утверждая, что ему ни за что не натянуть тетиву.

Однако реальность заставила этих людей едва не вытаращить глаза от изумления: Тун Даоцзюнь не только с легкостью натянул лук, но и стрелял без промаха. Будь то неподвижная

мишень или движущаяся, каждая стрела неизменно попадала в яблочко.

Когда настала очередь конной стрельбы, его мастерство верховой езды и вовсе оказалось вне конкуренции. По итогам двух испытаний он с наивысшим баллом прошел в третий тур — аттестацию по боевым искусствам, а следом за ним расположился Цзянь Цзяньжэнь.

Глядя на тренировочном поле на человека, который притягивал к себе все взгляды, словно источник света, Цзянь Цзяньжэнь почернел лицом.

Проклятье, вся эта слава, все эти восхищенные взгляды — всё это должно принадлежать ему! Цзянь Хуншу, ну надо же было так искусно скрываться, в следующем испытании я заставлю тебя вылететь из экзамена по боевым искусствам.

Система V587 с молниеносной скоростью запечатлела крайне свирепое выражение лица Цзянь Цзяньжэня, устремленного на Тун Даоцзюня, и даже специально увеличила его искаженную физиономию.

— Хозяин системы, только посмотрите на выражение лица этого Цзянь Цзяньжэня, он прямо-таки готов сожрать вас живьем!

Тун Даоцзюнь стоял в тенистом уголке, куда не падали лучи солнца, и предавался с Шао Лиюем «переглядываниям», как вдруг перед его глазами возникло искаженное крупное лицо Цзянь Цзяньжэня, внезапно выведенное V587, отчего он слегка поморщился.

— Ты что, хочешь, чтобы мне ночью кошмары снились?

<http://bllate.org/book/22155/2307814>